

— Я тебя помню. — Тётушка Ван неподвижно сидела на табуретке и с улыбкой смотрела на Ли Юаньмо. — Ты ведь старший сын Ли Чжэнфэя, да?

Ли Юаньмо сухо кивнул, не зная, как поддержать разговор. Руки и ноги по-прежнему были ледяными, и даже в этой тёплой тесной кондитерской ему ничуть не стало лучше.

Он бывал здесь всего три раза, и каждый из этих трёх раз Цяо Цайфэн устраивала шум из-за дня рождения его злополучного младшего брата. На собственный же день рождения он никогда не покупал здесь торт.

Отец его не обделял: к каждому дню рождения готовил подарок, но ни разу не поел с ним за одним столом.

Он вечно был занят и редко возвращался домой.

Поэтому чаще всего дома оставались лишь Ли Юаньмо, его дешёвый младший братец и Цяо Цайфэн. День рождения самого Ли Юаньмо в этой семье никогда не считался чем-то важным — только день рождения младшего брата был достоин пышного празднования.

— Тыквенная лепёшка была вкусной? — снова спросила тётушка Ван.

Ли Юаньмо замер, а потом кивнул:

— Вкусной. Спасибо, тётушка.

Он почти не был знаком с тётушкой Ван, но иногда, заметив, как Ли Юаньмо стоит у входа и смотрит в пустоту, она протягивала ему одну-две ещё горячие маленькие сладости.

В детстве он был тонкокожим и гордым, не хотел принимать чужую милостыню, но тётушка Ван всё равно силой запихивала угощение ему в карман. Тыквенная лепёшка как раз стала последним лакомством от неё, которое он ел в прошлой жизни.

Ли Юаньмо никому не рассказывал, что однажды долго собирал бутылки, продал их и хотел купить в кондитерской тётушки Ван сладостей, чтобы отплатить ей за доброту. Но несколько дней подряд дверь оставалась закрытой.

Позже он случайно услышал, как несколько взрослых, заказывавших торты, стояли вместе и жаловались, что тётушка Ван нарушила обещание: заказанные торты они так и не получили, а связаться с ней невозможно. Ли Юаньмо почувствовал неладное и тайком позвонил в полицию.

Только тогда люди обнаружили тело маленькой старушки. Иначе, возможно, никто не нашёл бы её, пока труп не начал разлагаться.

Если подумать, было немного жаль: он ни разу по-настоящему не купил в кондитерской «Счастье» сладость для самого себя.

— Уже очень поздно. Давай тётушка даст тебе чего-нибудь перекусить, — медленно поднялась тётушка Ван.

На ней была тёмно-чёрная ватная куртка и красный фартук. Мелкими шажками она подошла к прилавку со всевозможной выпечкой и деревянными щипцами взяла несколько круглых пирожных с мягкой, рассыпчатой корочкой.

Ли Юаньмо окоченело стоял у двери и, потирая руки, смотрел, как тётушка Ван хлопчет за прилавком, освобождая ему место для еды. Несколько сладостей она сложила в щербатую фарфоровую миску и поставила перед ним.

— Замёрз, парень? — спросила тётушка Ван.

— Снаружи было холодно, а как вошёл — уже согрелся. — Ли Юаньмо отвечал очень вежливо: на каждый её вопрос давал ответ, только так и не сделал ни шагу вперёд.

— Немного молока осталось, ещё горячее, тело согреет. — Подумав, тётушка Ван подняла стоявший рядом термос и налила ему целую миску горячего молока.

Запах молока и сладкий аромат выпечки наполнили старую маленькую кондитерскую.

Ли Юаньмо машинально оглянулся и обнаружил, что за дверью всё заволокло туманом. Цяо Цайфэн, похоже, исчезла.

— Иди ешь. — Тётушка Ван снова села на табуретку. Опущенные веки прикрывали половину глаз, но Ли Юаньмо всё равно чувствовал на себе её взгляд.

— Я не голоден. — Он сглотнул и решительно отказался.

Слишком уж всё было странно. Сон казался невероятно настоящим — и одновременно совершенно нелогичным.

Что произойдёт, если во сне съесть то, чем угощает тебя уже умерший человек?

Он и сам не понимал почему, но эта убогая кондитерская всё время вызывала у него непонятное ощущение неправильности, от которого становилось не по себе.

— Ты голоден. Поешь немного, дитя. — Тётушка Ван улыбнулась и медленно произнесла: —

Если не поешь сейчас, то те, снаружи, войдут сюда.

Словно подтверждая её слова, простенькая стеклянная дверь внезапно издала звонкий треск. Ли Юаньмо вздрогнул и резко обернулся.

К хрупкому стеклу намертво прилип синевато-белый юноша, всё тело которого было испещрено кровавыми дырами. Его глаза злобно вращались, будто что-то высматривая.

По одежде и телосложению Ли Юаньмо догадался, что это его ненавистный бесполезный младший брат: именно эти рваные вещи были на нём в последний раз, когда они виделись.

— Ешь, — поторопила тётушка Ван.

— Что значит «если я не поем, они войдут»? — Ли Юаньмо поднял на неё глаза. — Что это за чудовища? Почему они гонятся за мной и хотят убить?

Бесполезный братец, кажется, заметил его и принялся яростно колотить по стеклянной двери. Странно: дверь была старая, давно не ремонтировалась и выглядела ненадёжной — казалось, разбить её ничего не стоит, — однако чудовище снаружи никак не могло проломить стекло.

— Ах, я разве не представилась? В старости память уже не та. — Только теперь тётушка Ван медленно опёрлась о маленький столик и поднялась. Шаркая крошечными ногами, она дошла до входа и задёрнула занавеску, на время отрезав всё более свирепым чудовищам снаружи обзор.

— Это пограничье смерти, — сказала тётушка Ван, пригладив наполовину седые волосы. — Сюда могут войти только мёртвые.

— Мёртвые? — ошеломлённо повторил Ли Юаньмо и тут же спросил: — Вы... вы знаете, что уже умерли? Я... разве я не сплю? Неужели я тоже... умер?

— Ты ещё не умер, но уже почти. — Тётушка Ван улыбнулась, и сухие морщины на лице сложились в не слишком красивый цветок. — На дороге к смерти ты можешь увидеть все души умерших, с которыми тебя связывает причина и следствие жизни и смерти.

Ли Юаньмо поднял руку. Кожа медленно приобретала синевато-белый, почти почерневший оттенок и выглядела как у окоченевшего трупа.

Неудивительно, что ему было холодно, а конечности становились всё неподвижнее.

Больше всего бросались в глаза неровные ранки на ладонях — те самые, которые он сам расцарапал в маленькой гостинице, чтобы не потерять сознание. Теперь края ран побелели,

будто из них что-то высосало всю кровь.

— Со мной связаны... причиной и следствием жизни и смерти, — по слогам повторил Ли Юаньмо, одновременно ошеломлённый и растерянный. — Цяо Цайфэн и этот бесполезный братец уже умерли? И их смерть связана со мной?!

Слишком странно. Если это сон, то он слишком настоящий.

А если это не сон — как могли Цяо Цайфэн и бесполезный братец, которых он должен был убить лишь через несколько лет, умереть уже сейчас? Что, чёрт возьми, произошло?!

За спиной удары становились всё громче, и сквозь них уже слышался резкий треск ломающегося стекла.

— Парень, хватит мешкать. — Тётушка Ван указала на еду на столе. — Съешь и уходи отсюда.

Ли Юаньмо подошёл к прилавку и взял ароматную сладкую лепёшку из маша.

— Если съем, смогу уйти? — Он посмотрел на добрую старушку неподалёку. — ...Почему вы мне помогаете?

Тётушка Ван молча стояла на месте. Её иссохшее тело, закутанное в засаленную ватную куртку, напоминало куст почти увядших цветов. Она долго смотрела на Ли Юаньмо сложным, непостижимым взглядом.

— Не знаю, — равнодушно сказала тётушка Ван. — Может, потому что ты когда-то помог мне.

Ли Юаньмо растерянно замер, словно что-то вспомнив. В голове будто завелась стая песчаных червей — по мозгу странно побежали мурашки, и без того заторможенное окоченевшим телом сознание на мгновение полностью утратило способность мыслить.

«Хрясь».

Стеклянная дверь, скрытая занавеской, разбилась.

Звонкий звук встряхнул Ли Юаньмо. Мутное, спутанное сознание будто прорвало невидимую преграду и внезапно прояснилось. Когда он снова поднял глаза, вся кондитерская уже выглядела иначе.

— В помещении, где готовили торты, лежала половина вскрытой человеческой головы. Белёсый мозг внутри всё ещё был влажным и мягким, словно изящный кремовый узор на

торте.

Засаленные стены кондитерской были покрыты огромными бурыми брызгами крови и ошмётками красно-чёрно-белой плоти.

Фартук и чёрная ватная куртка тётушки Ван оказались пропитаны кровью, а несколько старческих пятен на её лице — ещё не до конца свернувшимися сгустками.

Прилавок, прежде заставленный выпечкой, теперь был завален расчленёнными частями человеческих тел.

Ли Юаньмо окоченело стоял под двумя светящимися лампочками из желудков и опустил взгляд. Сладость в его руке, как ни странно, оставалась совершенно нормальной: мягкая, клейкая и приторно-сладкая лепёшка из маша испускала слабое золотистое сияние.

— Возвращайся. — Тётушка Ван приподняла тяжёлые веки и посмотрела ему за спину. — Если сейчас не уйдёшь, я передумаю. Зачем отдавать тебя другим тварям? Лучше уж старуха сама подкрепится.

Если бы Ли Юаньмо продолжил колебаться, это было бы чистой глупостью. Он поднял руку и одним куском проглотил сладость. Сладкая, клейкая начинка из маша растаяла без жевания и тёплым потоком разлилась по внутренностям. Синевато-белое тело вновь стало здоровым и румяным.

Теперь Ли Юаньмо наконец понял: тётушка Ван, скорее всего, была чрезвычайно редким мутантом призрачного типа.

Такие мутанты были ужасающими. В прошлой жизни одно их упоминание заставляло людей бледнеть.

При жизни существа этого типа обычно переживали крайне жестокое обращение, из-за чего превращались в одержимых безумных злых духов. Затем под влиянием апокалипсиса и всевозможных случайных обстоятельств их собственное магнитное поле соединялось с каким-либо предметом реального мира — так в конце концов и возникали мутанты типа нежити.

— Хоть говорить такое и непочтительно, Ли Юаньмо всё же считал, что при той смерти, какой умерла тётушка Ван, условий для превращения в злого духа, пожалуй, попросту не хватало...

Додумать он не успел. За спиной стремительно налетел ледяной порыв. Беспольный братец прорвался сквозь барьер и попытался схватить его.

В следующую секунду тело Ли Юаньмо вспыхнуло золотым светом и отбросило призрака на метр.

— У старухи сил уже маловато, грязную тварь всё-таки пропустила. Похоже, придётся ещё поискать... вкусных сладостей, — пробормотала тётушка Ван, взяла стоявшую рядом метёлку из перьев и замахнулась ею на бесполезного братца.

Злой дух, получив удар, издал мучительный вой. Под этот пронзительный визг тело Ли Юаньмо превратилось в клуб дыма и исчезло с места.

<http://bllate.org/book/21900/2366803>